

РОССІЯ И СЛАВЯНСТВО

Органъ національно-освободительной борьбы и славянской взаимности

Ежедневная газета при ближайшем участіи
Петра Струве

HEBDOMADAIRE RUSSE

La Russie et le Monde Slave

Fondateur: Pierre STRUVE

Редакторъ: К. И. ЗАЙЦЕВЪ

Directeur: Cyrille ZAITSEFF

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:

9, rue Le Goff - Paris (V)

Tél.: Gobellins 85-95, 12-86

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 4-6 ч. в.

Контора открыта отъ 1 до 4 ч. д.

№ 33

Суббота, 13 іюля 1929 года

№ 33

Памяти А. П. Чехова

Къ 25-лѣтію его кончины († 2/15 іюля 1904 г.)

Скорбь

ПАМЯТИ А. П. ЧЕХОВА.

Мнѣ не пришлось лично встрѣчаться съ А. П. Чеховымъ. Между нами была короткая переписка: его одно или два письма ко мнѣ пропали и о нихъ имѣются только упоминанія въ его письмахъ къ другимъ лицамъ. Когда Чеховъ поѣхалъ въ Баденвейлеръ, я собирался изъ Штутгарта навѣстить его тамъ, но не успѣлъ — смерть наступила такъ быстро!

Но, не зная лично Чехова, я всегда, какъ младшій современникъ, не то, что влекся къ нему, а живо ощущалъ его духовное лицо и душевную личность.

Всякій писатель (и вообще всякій дѣятель и даже всякій человекъ) всегда въ своемъ лицѣ являетъ черты вѣременныя, не зависящія отъ исторіи и обстановки, черты общечеловѣческія и въ то же время вполне индивидуальныя. Всякій человекъ типиченъ и въ то же время единствененъ, ибо вѣременное и общечеловѣческое въ человекѣ заключено въ рамку неповторимой личности.

И въ то же время всякій человекъ выразитель своего времени, порожденіе обстановки. Онъ историченъ и представитель въ эмерсоновскомъ смыслѣ «Representative Man». Онъ показателенъ для эпохи и для среды.

Въ чемъ же состоялъ вѣременный ликъ Чехова и въ чемъ была его историчность и обусловленность средой?

Чеховъ былъ большой маловѣръ, до мозга костей пронизанный скептицизмомъ. Но въ то же время душа этого маловѣра была мягкой и нѣжной. И вотъ — маловѣріе Чехова, соединяясь съ его мягкостью и нѣжностью, обволакивало весь его духъ пеленой скорби. Но скорби не мрачной и не жесткой, а, наоборотъ, свѣтлой и мягкой. Эта особенная, совершенно своеобразная скорбь — основная опредѣляющая стихія чеховскаго духа и творчества.

Маловѣріе предохраняло Чехова отъ всякаго впаденія въ чувствительность, или сентиментальность. Но нѣжность и мягкость спасала этотъ маловѣрный духъ и отъ всякихъ угловъ и заостреній, отъ доходящей до озлобленности нетерпимости вѣчнаго богоборца Достоевскаго, отъ отталкивающаго въ своей жестокости эгоизма Льва Толстого. Изъ всѣхъ большихъ русскихъ писателей, какъ духъ и личность, Чеховъ всего ближе къ Тургеневу. Это — люди одного и того же психическаго типа, или душевнаго чекана.

Но если Чеховъ спасался отъ обволакивающей его пелены скорби мягкимъ юморомъ и нѣжной ироніей, то Тургеневъ отъ собственнаго внутренняго холода и отъ вѣшняго одиночества уходилъ въ чувствительность, на

которую нѣжно-суровый Чеховъ былъ совсѣмъ неспособенъ. И затѣмъ, при всемъ маловѣрїи, Тургеневъ влекся внутренне къ какому-то недостижимому для него цѣльному воззрѣнію на міръ, и потому, правда, съ натяжкой, но можно говорить о міросозерцаніи Тургенева. Чеховъ же былъ человекъ безъ міросозерцанія. Это чрезвычайно интересный и рѣдкій въ исторіи литературы случай большого художественнаго одаренія безъ всякой міросозерцательной основы. Міросозерцаніе ему не было дано, и онъ само отрицалъ міросозерцаніе, какъ заданіе. Онъ былъ чистый эмпирикъ въ глубочайшемъ, не методическомъ только, а существенномъ, или онтологическомъ смыслѣ слова.

И я думаю, болѣе того увѣренъ, что съ этой особенностью Чехова, т. е. съ тѣмъ, что онъ былъ человекъ безъ міросозерцанія, связаны не только грани и слабости его творчества, но и его богатство, его сильныя стороны. Духъ Чехова, конечно, не былъ ни просто сосудомъ, ни просто зеркаломъ, въ которомъ отражался эмпирический міръ. Отраженіе этого міра въ духѣ Чехова располагалось по какимъ-то его линиямъ, окрашивалось его цвѣтами. Но эти линии и эти цвѣта не были «міросозерцательными». Это были линии и цвѣта нѣжной и свѣтлой скорби маловѣра Чехова, въ пеленѣ которой такими яркими точками вспыхивали его безподобный юморъ.

Можно было бы поддаться искушенію Чехова цѣлкомъ вывести изъ жизни: Чеховъ выступилъ въ 80-хъ г. г., какъ авторъ мелкихъ юмористическихъ разсказовъ. Этимъ исторически можно было бы объяснить и отсутствіе въ его духѣ и творчествѣ «міросозерцательной» основы, и всю душевную окраску этого творчества. Это было бы, на мой взглядъ, ошибочно, но совпаденіе духовнаго и душевнаго стиля Чеховской личности съ характеромъ эпохи отнюдь нельзя отрицать. Чеховъ принадлежитъ къ поколѣнію писателей, принесшихъ въ литературу душу утомленную, болѣе того — опустошенную. И вся литературная дѣятельность Чехова отиѣчена непрерывной борьбой съ собственной душевной опустошенностью, борьбой тѣмъ болѣе трудной и мучительной, что она не могла опереться на какое-либо «міросозерцаніе». Чеховъ не усвоилъ, не воспринялъ такого по наслѣдству, но онъ и не желалъ и не могъ выработать себѣ міросозерцанія.

Окончаніе см. на стр. 2-ой.

ПЕТРЪ СТРУВЕ.

СВЕТЛО

Начало см. на стр. 1-ой.

И в то же время он был суровочестный человек, неспособный притвориться, носить маску, играть роль. В этом отношении в высшей степени характерна связь Чехова с А. С. Сувориным, основателем «Нового Времени». Будущий историк русской литературы и культуры с интересом и, подчас, с изумлением останавливался перед фигурой этого на первый взгляд талантливого человека, историческую характеристику которого ему пришлось однажды давать (см. «Религия», СПб, 1911 г., стр. 284-285).

Суворин, так же как Чехов, был человек без миссовосерияни, такой же маловѣрь и скептик. Но, так же как Чехов, это был человек тонкий, добрый и благожелательный. Суворину однако, в отличие от Чехова, пришлось и было доступно вести большое литературно-публицистическое дело. И вот что любопытно: в отличие от других писателей, введенных в литературу Сувориным и на него опериных, Чехов не стал «нововременцем». Для Чехова это было бы гибелью, ибо в нем не было «миссовосериятельной» основы и отдаваться такому плану, как «Новое Время», означало для него полную потерю свободы и самостоятельности духа. Видя сам Суворин, хотя и не стал «нововременцем», в огромный мир опустошил, обкарнал и изуродовал себя «Новым Временем».

Противоположностью «нововременца» исторически явился русский интеллигент. И Чехову, спасшемуся

отъ обетей «Нового Времени», удалось безъ собственной миссовосериятельной основы обезличиться до русского интеллигента. Отъ этого Чехову спасло его художественное творение. Оно покорило ему русскую интеллигенцию и ее журналистику и дало ему возможность не покориться этой силе. Чехов как-то остался вне стана интеллигенции и вне отдаленных ее лагерей, во-истину «свободным художником», к которому можно прислушивались, которого любили и полюбились.

Эта любовь была вполне заслуженной и писателем, и человеком. Чехова разная эпоха будут в разный мир читать и читать, но его никогда не перестанут и читать и любить. Читая его произведения, будут смеяться и скорбеть, хохотать и плакать. В трудную эпоху глубокой «демократизации» русской жизни и культуры Чехов, выходящий с кожей, произвешной ластрым инородчеством, окранны, отстоять чистоту и красоту русской речи.

Как человек, он всегда останется обязательным редкостным сочетанием маловѣрного ума, трезвого почти до холода, ясного почти до сухости, с мягкой и нежной душой. В этом он во-истину то, чем он был в гражданском быту, по своей житейской профессии. — настоящий, пользующийся врач, способный распознавать и развѣать и в то же время чувствовать, со-чувствовать и скорбеть.

Благодарь. ПЕТРЪ СТРУВЕ.
7-го июля 1929 г.